

ГЛАВА 12. ОН ПРЕОБРАЗИЛ МОЮ ЖИЗНЬ

Джош Мак-Дауэлл

Иисус Христос жив. Моя собственная жизнь и мои поступки - уже доказывают, что Он воскрес из мёртвых.

Как писал Фома Аквинский, "всякая душа жаждет счастья и смысла". Подростком я стремился к счастью. Да и что в этом постыдного? Я хотел быть одной из самых счастливых личностей на свете. И ещё я хотел, чтобы моя жизнь была наполнена смыслом. Я искал ответов на вопросы вроде "Кто я такой? Зачем я появился на свет? Какая судьба меня ожидает?"

И ещё я хотел свободы. Мне хотелось стать одной из самых свободных личностей на свете. Для меня свобода не означает возможности идти куда угодно и делать что угодно. Такое под силу любому. Свобода - это власть совершать именно то, что считаешь своим долгом. О своём долге знают многие, а вот выполнять его под силу не всем. Такие люди живут в оковах.

Итак, я начал искать ответы на свои вопросы. Почти все вокруг меня имели какие-то религиозные убеждения, так что и я начал ходить в церковь. Но, наверное, я ошибся церковью. Кое-кто из вас должен меня хорошо понять: в той церкви мне было хуже, чем на улице. А ходил я туда и утром, и после обеда, и вечером.

Я человек практичный, и если что-то у меня не выходит - ставлю на этом крест. Поставил я крест и на религии. Весь мой барыш от этого увлечения состоял в том, что как-то я бросил в кружку 25 центов, а потом извлёк оттуда 35 - и истратил их на молочный коктейль. Вот и все - или почти всё - что большинство людей получают от "религии".

После этого меня увлекли поиски положения в обществе. Может быть, ответ на мои вопросы я получил бы, став общественным деятелем, борясь за какое-то дело, получив известность? В первом университете, где я учился, руководители студенческих организаций распоряжались всеми денежными средствами и пользовались большим влиянием. Так что я выставил свою кандидатуру на пост старосты первого курса - и был избран. Замечательно было знать всех студентов, здороваться с ними, принимать решения, тратить университетские и студенческие деньги, приглашать лекторов по своему усмотрению. Отличная была вещь, но и это всё мне в конце концов надоело. В понедельник утром я просыпался в похмелье, с мыслью о том, что начинаются ещё пять дней, которые надо перетерпеть до пятницы. А всё счастье крутилось вокруг трёх вечеров в неделю - пятницы, субботы, воскресенья. И снова начинался порочный круг. Как я дурачил всех в университете! Они думали, что имеют дело с самым беззаботным парнем в мире. Во время политических кампаний в ходу даже была такая фразочка: "Счастье - это Джош". На студенческие деньги я устраивал бесконечные вечеринки, и никто не понимал, что моё счастье - ничем не лучше того, которым чванятся многие другие. Оно зависело от внешних обстоятельств. Когда дела шли хорошо, я был на вершине счастья. А когда скверно - то и мне было не прекрасно.

Был я похож на кораблик в океане, и обстоятельства, словно волны, кидали меня из стороны в сторону. В Библии такую жизнь называют адской. Но вокруг меня не было никого, кто жил бы по-другому, кто сумел бы научить меня другой жизни и дать силы встать на другой путь. Советов мне давали немало, но не нашлось ни одного человека, который дал бы мне силы осуществить эти советы. Я начал падать духом.

Подозреваю, что в своих поисках смысла, цели и правды жизни я был одним из самых искренних американских студентов. В ту пору смысл жизни был от меня далёк, но понять этого я ещё не мог.

В нашем университете была небольшая группа людей - восемь студентов и двое преподавателей - жизнь которой чем-то отличалась от моей. Они казались уверенными в своей вере. Мне нравится быть с подобными людьми, даже если наши позиции несходны. Среди моих ближайших друзей есть такие, кто не разделяет моих взглядов, но я всё равно восхищаюсь теми редкими людьми, у которых есть собственные убеждения. По этой причине иной из них мне ближе многих христиан. Мне порою попадаются такие христиане, что я невольно подозреваю их в притворстве. Но члены

этой маленькой группы явно знали, что делают. Нечасто встретишь такое среди студентов.

Люди эти не просто говорили о любви. Их волновали чужие беды. Казалось, они умели подняться над будничными проблемами университетской жизни, теми самыми, которые так подавляли остальных. Я заметил ещё, что они казались счастливыми независимо от обстоятельств, и как бы обладали постоянным внутренним источником радости. Они были до отвращения счастливы. У них было что-то, недоступное мне.

Как и подобает рядовому студенту, мне всегда хотелось заполучить то, чего у меня не было. Не потому ли на велосипедных стоянках приходится использовать замочки с ключами? Если бы ответить на главные вопросы жизни можно было с помощью образования, то университеты были бы самыми нравственными организациями в мире. Увы, на самом деле это вовсе не так. Словом, я захотел сойтись поближе с этими загадочными людьми.

Недели через две после этого моего решения мы сидели за столом в студенческом клубе, шесть студентов и два преподавателя. Разговор начал переходить на тему о Боге, в таких случаях неуверенному в себе частенько хочется показать своё превосходство. В любом университете - всегда отыщется охотник поразглагольствовать в таком примерно стиле:

"А, христианство! Об этом мы слышаны. Оно для людей простых, слабых, и нам, интеллигентам, ни к чему!"

(Обычно, чем громче он вещает, тем больше в нём внутренней пустоты.)

Меня разволновал этот разговор, так что в конце концов я взглянул на одну милостивую студентку из этой группы (раньше мне казалось, что все верующие - непременно уроды), откинулся в кресле, чтобы другие не видели моего интереса, и спросила

"Слушайте, что же всё-таки изменило вашу жизнь? Почему вы так непохожи на других студентов, на общественников в университете, на преподавателей?"

Видимо, веры этой студентке было не занимать. Она серьёзно посмотрела мне прямо в глаза и произнесла два слова, которые я меньше всего ждал услышать от своей соученицы в ответ на вопрос о смысле жизни. Она сказала: "Иисус Христос".

"Бросьте вы, ради Бога, эту чушь! - воскликнул я. - Меня уже достаточно пичкали религией, и церковь мне осточертела. Знаю я цену всей этой религии!"

"Слушайте, - возразила она, - разве я хоть слово сказала о религии? Я же ясно говорю: Иисус Христос!"

Ничего подобного я раньше не слышал. Христианство, оказывается, отличалось от религии! А ведь действительно, религия - это попытки людей проложить путь к Богу с помощью добрых дел. Христианство же

- это когда Бог приходит к нам через Иисуса Христа и предлагает нам приблизиться к Нему.

Среди студентов и преподавателей высшей школы, наверное, даже больше заблуждений относительно христианства, чем где бы то ни было ещё. Недавно я встретил одного доцента, уверявшего, что "любой, кто входит в церковь, становится христианином". "Ну да, - пришлось сказать мне, - а любой, кто входит в гараж, превращается в автомобиль". Между церковью и верой нет связи. Христианин - это человек, верящий в Христа.

Мои новые друзья бросили вызов своему разуму. Они предложили мне критически разобраться в утверждениях, что Иисус Христос - Сын Божий, что, воплотившись в человека. Он жил среди реальных людей и умер на кресте за грехи человечества, что Он был погребён, и на третий день воскрес, что Он, наконец, может преобразить жизнь человека двадцатого столетия.

Мне всё это казалось идиотизмом. По правде сказать, любой христианин для меня в то время был ходячим воплощением глупости. Я обожал громить не слишком уверенных в себе преподавателей, когда те начинали разговор о христианстве. Я полагал, что если у христианина в голове есть хоть одна мозговая клетка, то и ей грозит смерть от одиночества. А на самом деле глупцом был не кто иной, как я сам.

Эти ребята продолжали будоражить моё интеллектуальное самомнение, и я, наконец, принял их вызов - из обыкновенного чувства протеста. Я ещё не подозревал, что мне придётся иметь дело с фактами, с доказательствами, поддающимися оценке.

Кончилось тем, что я пришёл к заключению: Иисус был именно тем, за кого Он Себя выдавал. В сущности, две моих первых книги возникли на основе желания опровергнуть христианство! Когда это не вышло, я пришёл к христианству сам. Уже тринадцать лет я доказываю, что разум и вера в Христа не противоречат друг другу. В тот, момент, однако, я порядком растерялся. Разум говорил мне, что возразить нечего, а воля тянула в другом направлении. Христианство оказалось тяжёлым испытанием для эгоиста вроде меня. Иисус Христос, призывая меня веровать в Него, уязвлял мое самолюбие. Этот призыв звучал примерно так: "Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему..." (Огк. 3:20). Меня мало заботило, умел ли Он ходить по воде или превращать воду в вино. В фокуснике я не нуждался. Но разум мой говорил одно, а воля - другое.

Смятение моё усиливалось при всякой новой встрече с моими воодушевлёнными друзьями-христианами. Если вам случалось бывать среди счастливых людей в минуты, когда у вас на душе скверно, то вы поймете моё раздражение. Иной раз я даже вскакивал и убегал из комнаты. Дошло до того, что я ложился спать в 10 вечера, чтобы до 4 утра мучиться бессоницей. Я понимал, что с этим надо разделаться как можно скорее, чтобы попросту не сойти с ума. Не лишаться же рассудка из-за очередной новой идеи - которые всегда меня привлекали.

Но именно потому, что меня всегда привлекали новые идеи, я и стал христианином. Я учился на втором курсе. А произошло это 19 декабря 1959 года, в половину девятого вечера.

"Откуда вам так досконально это известно?" спрашивали меня.

Потому что в этот момент изменилась моя жизнь. В тот вечер я молился. Я просил о пути к воскресшему, живому Христу, Который с тех пор неузнаваемо преобразил меня.

Прежде всего я сказал:

"Господь Иисус, спасибо Тебе за Твою смерть на кресте ради меня".

Потом сказал:

"Я сознаю Тебе в своих грехах, и прошу Тебя простить их и очистить мою душу". (В Библии сказано: "Если- будут грехи ваши как багряное - как снег убелю".)

Потом сказал:

"В эту минуту я, как умею, открываю Тебе своё сердце и жизнь, чтобы верить в Тебя как в своего Господа и Спасителя. Я вручаю Тебе свою жизнь. Я хочу, чтобы Ты преобразил меня до самого основания. Сделай меня таким, каким Ты замыслил человека при сотворении".

И последней моей молитвой было: "Спасибо, что Ты пришёл в мою жизнь через веру".

И вера эта не покоилась на невежестве. Я пришёл к ней на основе свидетельств, фактов истории и Слова Божьего.

От верующих нередко слышишь слова об "ударе молнии". Но со мною по окончании молитвы ничего особенного не случилось. Ничего. Никаких крыльев у меня не выросло, я даже стал себя в чём-то чувствовать хуже. Мне стало буквально плохо, до тошноты. "Господи, - думал я, - куда это меня несёт?" Было ощущение, что бросился в омут (не сомневаюсь, что кое-кто до сих пор думает, что именно это со мной и приключилось).

Скажу одно: прошло полгода, потом ещё год, и я увидел, что ни в какой омут не бросался. А жизнь моя в самом деле преобразилась.

Об этом я как-то раз, во время публичного диспута, сказал заведующему кафедрой истории в одном американском университете на Среднем Западе. "Мистер Мак-Дауэлл, - перебил он меня, - вы нас всерьёз уверяете, что Бог может изменить жизнь человека XX века? В каких же областях?" Я отвечал ему сорок пять минут, говорил бы и дольше, если б он не сказал: "Ладно, ладно, хватит!"

Одной из таких преобразившихся областей жизни было излечение от моей неприкаянности. Я всегда искал себе каких-нибудь занятий: то бежал к своей девушке, то чесал язык с приятелями. Проходя по двору университета, я чувствовал, что в голове у меня - настоящий водоворот противоречий. Попытки заниматься или просто сосредоточиться были безуспешны. А через несколько месяцев после моего решения прийти к Христу ко мне пришёл душевный мир. Поймите меня правильно: не то что из моей жизни исчезли противоречия. Вера в Христа не избавила меня от противоречий, но дала возможность их разрешать. И возможность эту я ни на что в мире не променяю. Кроме того, у меня был прескверный характер. Я мог взорваться, когда на меня косо смотрели, а на первом курсе чуть кого-то не убил - шрамы от этой потасовки

сохранились до сих пор. Я настолько сросся со своим дурным характером, что даже не пытался его исправить. И вот однажды я попал в такое положение, когда непременно вышел бы из себя - и вдруг обнаружил, что вся моя вспыльчивость начисто пропала! За 20 лет я всего один раз погорячился - и раскаивался в этом целых шесть лет.

Есть ещё одна черта, которая не делала мне чести. Говорю о ней потому, что она свойственна многим, а мне известен способ от неё избавиться: вера в воскресшего Христа. Я имею в виду ненависть. В своё время она меня постоянно одолевала, не показываясь наружу, но мучая меня изнутри. Меня выводили из себя люди, вещи, проблемы. Подобно многим, я был крайне в себе неуверен, и в любом встречном, кто отличался от меня, видел угрозу.

Но был один человек, которого я ненавидел больше всего на свете - мой отец. Он вызывал у меня только омерзение. И видел я в нём всего лишь городского алкоголика. Если вы родились в маленьком городке и один из ваших родителей - пьяница, то вы поймёте, о чём я говорю. Отец мой был в городе притчей во языцех. Друзья в школе отпускали шуточки, когда встречали его в центре города, не понимая, как это меня обижает. Посмеиваясь вместе с ними, про себя я горько плакал. Иногда, заходя в наш амбар, я видел там на куче навоза, за коровами, свою мать, избитую до потери сознания. Приглашая друзей, я вытаскивал отца из дому, связывал его и бросал в амбаре, а машину его уводил за угол. Друзьям мы говорили, что он уехал по делам. Мне кажется, трудно ненавидеть кого-то больше, чем я ненавидел своего отца.

Месяцев через пять после моего прихода к Христу в жизнь мою вошла любовь Господа. Она была такой сильной, что не оставила места для ненависти, преобразила её. Однажды я взглянул отцу прямо в глаза и сказал:

"Слушай, отец, а ведь я тебя люблю".

Я говорил совершенно искренне. Ион, помня о моём с ним обращении в былые времена, невероятно поразился.

Когда я перевёлся в частный университет, я попал в серьёзную аварию, с гипсом на шее приехал домой. Никогда не забуду, как отец зашёл ко мне в комнату. "Как же ты можешь любить такого отца?" - спросил он. "Знаешь, - ответил я, - ведь всего полгода тому назад я тебя жутко презирал..."

Я заговорил с ним о Христе.

"Понимаешь, отец, в мою жизнь пришёл Христос. Мне трудно объяснить всё это, но в общем. Он дал мне силы любить не только тебя, а всех людей - такими, какие они есть". Через сорок пять минут я пережил едва ли не самое великое потрясение в жизни. Мой ближайший родственник, знавший меня досконально, и никак не позволивший бы морочить себе голову, вдруг сказал мне:

"Джош, если Бог мог бы сделать для меня то же самое, что для тебя - я бы дал Ему эту возможность..."

Мы помолились вместе, и мой отец доверился Христу.

Приход к Иисусу обычно изменяет жизнь за несколько дней, недель или месяцев. Я, например, смог перемениться полностью за полтора года. А мой отец преобразился мгновенно, у меня на глазах. Будто кто-то протянул руку и включил свет. Никогда не видел я такого резкого превращения. После этого отец взял в руки бутылку с виски один-единственный раз - да и то всего лишь поднёс её к губам и поставил обратно..

Судите сами, меняет ли людей вера в Иисуса Христа.

Можете смеяться над христианством, можете издеваться над верующими. Но в нём есть сила. Оно преобразует людские судьбы. Если вы верите в Христа, посмотрите на собственные взгляды и поступки - неужели они остались неизменными?

Нет, христианство не навяжешь силой. У вас своя жизнь, у меня своя. Я могу только поделиться с вами своим опытом, а уж принимать решение - дело ваше.

Может быть, моя молитва поможет вам? Вот она:

"Господь Иисус, я нуждаюсь в Тебе. Благодарю Тебя за то, что Ты погиб на кресте ради меня. Прости меня и очисти мою душу. Я верю в Тебя, Господь и Спаситель, сделай меня таким, каким Ты замыслил меня при сотворении. Во имя Христа. Аминь".

(Отрывок из книги Джоша Мак-Дауэлла "Не просто плотник".)